

КРИСТИ
КЭШМАН

Пусть копыта гнедого стучат
в унисон моему сердцу!

О ЛОШАДЯХ
И ЛЮДЯХ

Кристи Кэшман

О лошадях и людях

Серия «Акценты (Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74599141

О лошадях и людях: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-35078-6

Аннотация

Мечта четырнадцатилетней Риз о победе в скачках Блэк-Элк рушится, когда ее любимый конь Бесценный Дар падает на последнем препятствии и ветеринар советует усыпить его. Не успевает девочка оправиться, ее ждет вторая трагедия – гибель матери в автомобильной катастрофе. Отец, вместе с женой занимавшийся коневодством, распродает лошадей и устраивается работать менеджером в фирму, но Риз живет только скачками и не мыслит жизни без своего призвания.

Тоскуя по прошлому, она знакомится с новым арендатором их бывшей конюшни. Молчун Уэс предпочитает обходиться без разговоров, зато его метод тренировки лошадей приводит Риз в восторг. Вот только самого Уэса не вдохновляет присутствие девушки-подростка в его рабочей «мастерской». Чтобы доказать свою нужность Уэсу и восстановить отношения с отцом, ей придется отчаянно бороться за право на мечту.

Содержание

Пролог	6
Часть I	17
Глава 1	18
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кристи Кэшман

О лошадях и людях

*Посвящается маме и моему первому коню
Бродяге*

Christy Cashman

THE TRUTH ABOUT HORSES

Copyright © Christy Cashman, 2023

All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав

© П. А. Смирнов, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Иностранка®

Пролог

– Будет чудом, если он сможет снова участвовать в соревнованиях, – сказал маме ветеринар, а потом добавил чуть тише: – Милосерднее его усыпить.

Целыми днями после скачек мама ходила по конюшне, словно робот, делая только самое необходимое. Но я знала, что однажды она проснется и снова станет прежней. Скоро мама, закрывая глаза, перестанет всякий раз видеть падение Дара. Она всегда приходила в себя. Просто иногда на это уходило больше времени, чем обычно.

– Иди сюда, малыш. – Я протянула руку над дверью денника Дара.

Он всегда был самым любопытным в конюшне и вечно высовывал морду, чтобы его погладили, или задира́л верхнюю губу, требуя внимания. Ему нравилось пошалить. Когда я вешала недоуздок на крюк возле денника, Дар часто хватал его зубами и выбрасывал в проход просто для того, чтобы я подошла поднять. Обычно я смеялась над ним, вешала недоуздок на место, теребила Дару челку и называла чертякой. Минут через двадцать он снова срывал упряжь и швырял в проход. Но после тех скачек он стоял мордой в угол, даже не глядя на полные ясли свежего сена. Недоуздок и уздечка аккуратно висели на крюке.

Я попыталась подманить коня долькой яблока.

– Гляди, что я тебе принесла, приятель.

Я протянула угощение как можно дальше, но Дар не двинулся с места, только опустил голову еще ниже и уткнулся носом в опилки. Мамина рука потрепала меня по волосам и легла на плечо.

– Милая, он на сильных обезболивающих, – сказала мама. – Завтра будет реагировать лучше.

Она открыла дверь денника и подошла к Дару, проведя ладонью вдоль его бока до самой шеи. Дойдя до головы, мама прислонила морду коня к груди и прижалась щекой к его лбу.

– Ты молодец, красивый мой. – Взяв его голову обеими руками, она поцеловала его в еле заметное пятно на лбу. – Все будет хорошо. – При этих словах у меня перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. – Ты еще поучаствуешь

в скачках, – прошептала мама ему на ухо. – Вот увидишь.

– Эй, выходите, – окликнул нас с улицы папа, уже открывший для нас дверцу пикапа. – Давайте ненадолго забудем о конюшне и обо всех тревогах.

Как будто это было так легко.

Мама медленно закрыла дверь денника Дара, и я поплелась за ней к машине.

– Мам? – Я дернула ее за рукав.

Она обернулась ко мне, но я так и не набралась смелости задать вопрос.

– Не бойся, солнышко, – утешила мама. – Мы не будем его усыплять.

Папа чмокнул ее в щеку и закрыл дверцу, а потом обошел машину, направляясь к водительскому месту и напевая: «Джесси, я всегда буду срезать для тебя свежие цветы. И, Джесси, я всегда буду охлаждать для тебя вино. И буду брызгаться одеколоном и сидеть в ожидании у телефона...»

Иногда мы просто катались на машине, чтобы «перезагрузиться», если скачки прошли неудачно, или лошадь захромала, или попался особенно вредный клиент. «Лучше забыть обо всем и двигаться дальше», – говорил в таких случаях папа. Он не любил заикливаться на горестях. Вроде сегодняшнего забега, который мы никак не могли выкинуть из головы. Как будто поездка могла остановить бесконечную карусель повторяющихся мыслей. Как будто мы могли забыть о том, как близки были к победе в Блэк-Элк – скачке, о

которой мечтает каждый местный лошажник. Мы были всего в одном шаге от того, чтобы вместе преодолеть пропасть, отделяющую людей, которые только говорят, от тех, кто делает. А в беседах за обеденным столом мечты «может, в следующем году» сменились уверенностью «в этом сезоне». Мы все только и говорили, что о дне скачек, и в каждой реплике проскакивали словечки вроде «резвость», «барьер» и «скаковая дорожка».

* * *

В день той поездки с отцом воздух был почти до слез прозрачен. Окружающий пейзаж виделся в мельчайших деталях, которых обычно не замечаешь. Мы вырулили на пикапе с подъездной дорожки: родители впереди, я на заднем сиденье. Оглянувшись на конюшню, я рассмотрела то, чего прежде не замечала: облупившуюся краску, осевшую крышу, неровные двери, забитые некрашеными досками проломы. Долгое время один взгляд на конюшню давал мне уверенность, что все будет хорошо. Теперь я видела лишь усталое старое здание, казалось, стремящееся прилечь и укрыться травой. Я пошевелила языком во рту, силясь отыскать сладкий сливочный вкус карамельного яблока, съеденного в день скачек. Но вкуса не было: во рту было сухо, как в пустыне.

Планов мы никогда не строили. Просто селились в маши-

ну и ехали. Папа, как обычно, притворялся, будто его руками, поворачивающими руль, управляет некая волшебная сила. На перекрестке он попросил меня угадать, в какую сторону эта сила поведет нас дальше.

– Налево, – предположила я.

– Посмотрим, права ли ты, – ответил он. – Вернее, лева.

Потом он изобразил, будто сражается с рулем, чтобы волшебство сработало в мою пользу. Но шутка была слишком старой и глупой, чтобы меня рассмешить.

Мы выехали из Бердвуда и свернули на дорогу вдоль реки Гост-Хок, которая то расширялась, то сужалась, пока не разделялась на рукава. На одних участках она кипела белой пеной на порогах, а на других течение ползло так медленно, что казалось, будто вода не движется вовсе. Мы проехали мимо того места, где река сливалась с черным зеркалом озера Хорс-Тиф. У парка Гост-Хок мама помахала руслу рукой.

– Пока! – воскликнула она, словно прощалась не с рекой, а с уходящим гостем.

Я смотрела, как речные воды стремительно скрываются среди гигантских сосен и скалистых утесов.

Папа вел пикап все дальше и дальше от конюшни через пастбища и поля в сторону пустошей Бэдлендс. Мы проезжали мимо отдыхающих и туристов. Потом отец запел гимн штата Южная Дакота. Мама закатила глаза и покачала головой, ужасаясь его голосу, но в отместку папа запел еще громче.

– Давайте! Все вместе! – крикнул он. – «Южная Дакота, наш любимый штат! Все пути на Запад сквозь него лежат. Рашмора святыня, пустошей простор...»

Папа продолжал петь один, обгоняя тягачи, скотовозы и обтекаемой формы автодома. Когда он наконец замолк, чтобы перевести дыхание, мама посмотрела на него.

– Вот уж не знала, Джо, что ты умеешь так здорово фальшивить.

Мы все рассмеялись – в основном потому, что мама наконец-то сподобилась пошутить.

Теперь мы ехали через пышный густой лес. Возле скал, где жили вилорогие антилопы, пара животных перепрыгнула через дорогу прямо перед нами. Но потом трасса принялась петлять по обширной равнине. Вдалеке я видела гору Смагглерс-Рок. Мы продолжали ехать, пока впереди не осталось ничего, кроме розовых камней и серой дороги, прямой, как бильярдный кий. Скучная картина, которая всегда меня ублаживала.

Когда я открыла глаза, то увидела папу, глядевшего на меня в зеркало заднего вида.

– Как спалось? Надеюсь, не хуже, чем мне?

Папа – настоящий король дурацких шуток. Я не засмеялась, а просто стала смотреть в окно. Воздух имел тот же розоватый оттенок.

– Розовый кварц, – напомнила мне мама.

– Но как розовый камень может передать розовый цвет

воздуху?

– Все дело в отражении, – пояснила она.

Я посмотрела на ее отражение. Боковое зеркало идеально обрамляло мамино лицо. Ее темно-карие глаза сосредотачивались на каком-нибудь предмете, мимо которого мы проезжали, сопровождали его, а потом переключались на следующий объект. Она постоянно заправляла волосы за уши, но ветер поднимал пряди, вытягивал их в полуоткрытое окно и прижимал всю копну к моему стеклу, распластав ее, словно огромное черное крыло.

– Думаю, они уже близко, – сказала мама. – Я нутром чую.

Я всегда встряхивалась, когда мама что-то чуяла нутром. Каждый раз зрелище оказывалось таким, которое мне не хотелось бы пропустить. И за поворотом дороги я увидела их. Дикие лошади. Они словно откликнулись на мамин мысленный зов.

Папа остановил машину на обочине. Мы вышли из пикапа и оказались на самом краю плоской равнины. Я стояла между родителями. Они держали меня за руки, как в детстве. Лошади были от нас примерно на расстоянии длины футбольного поля. Большинство из них не обращали на нас никакого внимания. Они паслись, неторопливо переходя от одного островка припорошенной пылью травы к другому. Некоторые поднимали головы, чтобы взглянуть на нас, а потом снова опускали и продолжали жевать траву.

Увидеть лошадей на воле было все равно что заглянуть

в другой мир, о существовании которого раньше знал, но успел забыть. Наблюдать, как они носятся галопом по тысячам акров ничем не ограниченных просторов, было совсем не то, что видеть смиренных и довольных жизнью лошадок на огороженных пастбищах, где они больше напоминали украшение. Здесь казалось, что земля создана исключительно для лошадей. словно ветер сгладил равнины специально для того, чтобы они могли скакать галопом. словно горы, увидев их блестящие шкуры и могучие ноги, расступились, освободив для коней достаточно места.

Один вороной конь, намного выше остальных, скакал через табун насквозь. Он прикусывал некоторых кобыл за ляжки, словно говоря, что пора уходить. Из-под его копыт поднималось облако пыли. Шаг у него был невероятно размашистым. Потом он понесся галопом прямо на нас.

– Черт! – вскрикнул папа и, протянув руку через меня, схватил маму за запястье. – Тише, приятель. Никто не хочет тебе вреда.

Но вороной приближался.

– Не бегите, – предупредила мама. – Стойте на месте.

Тут конь остановился прямо перед нами. Подняв голову, он посмотрел на меня в упор. Его глаза походили на два темных омута, а грива ниспадала на точеную шею сплошной завесой. Потом он развернулся, мотнул головой и убежал вместе с остальным табуном. Папина рука слегка дрожала, когда он отпустил мамино запястье.

– Не рискнул связываться со мной, – пошутил папа.

Мама рассмеялась. Рассмеялась по-настоящему.

– С ума сойти! – воскликнула она. – Вроде и страшно, и красиво. Как во сне!

Глаза у нее снова блестели. Прежняя мама вернулась.

Мы смотрели вслед лошадям, пока они не превратились в точки на горизонте.

– Ну, рыбалка окончена, сматываем удочки, – заявил папа, пытаясь снова рассмешить маму.

Я полезла на заднее сиденье. Воспоминания о скачках никуда не делись, но теперь уже не так ярко стояли перед глазами, не так настырно лезли в голову. Словно каким-то волшебным образом путешествие в несколько миль подарило нам возможность думать о чем-то другом.

– Ты был прав насчет поездки, папа.

– Ага, – отозвался он. – Лучший способ забыть о своих проблемах – перепугаться до смерти.

Но почему-то лошади меня не напугали. Я стояла бы там целую вечность, чувствуя, как ветер треплет мне волосы, и ощущая дрожь земли от топота копыт табуна и тепло солнца, светившего в спину.

Папа протянул руку и положил ладонь на мамино колено. Мама накрыла ее своей ладонью. Потом обернулась и улыбнулась мне. Я почувствовала ее мысли. Она снова была готова. Готова мечтать.

И тут папа резко бросил пикап вправо. С грузовика, ехав-

шего перед нами, посыпались огромные ящики с курами. Они разбивались о дорогу, разбрасывая во все стороны белые перья и опилки, словно разбитая пиньята. Один ящик пролетел мимо моего окна и раскололся, упав на землю. Куры разлетелись по дороге. Другой ящик упал прямо перед нами и закувыркался, рассыпаясь на куски. Меня швырнуло вперед, насколько позволял ремень безопасности. Плечо колотилось о дверцу. Что-то ударило в лобовое стекло, и папа резко вывернул руль влево. Машина задрожала на камнях и ухабах.

Я видела все, что происходило внутри пикапа. Мама подняла руку и схватилась за папу. Его рука, прямая как доска, пыталась удержать руль. По полу катался стаканчик из-под разлитого кофе. На зеркале заднего вида раскачивался ключ от конюшни. Головы родителей тоже раскачивались из стороны в сторону и вперед-назад, словно у кукол-болванчиков. Казалось, все происходит в замедленном движении.

Но снаружи картинка вращалась с такой скоростью, что небо и земля перепутались у меня перед глазами.

Я знала, что мы съехали с дороги, поскольку не видела ничего, кроме розовой пыли.

Я знала, что мы кувыркаемся через крышу, поскольку меня начало тошнить.

Я знала, что мы остановились вверх колесами, поскольку я повисла на ремне безопасности.

Посмотрев на папу, я сообразила, что жива.

Мне очень хотелось, чтобы он выдал очередную глупую шутку.

Но, увидев его лицо, я поняла: мама погибла.

Часть I

Глава 1

Два года спустя

Поворот на дороге, которая ведет к Биг-Грин-Барн, легко пропустить, если не искать его специально. Сразу за ним стоит чахлый дуб – ориентир, которым я пользовалась, когда была младше, пока не научилась находить дорогу даже с закрытыми глазами. Перед самым поворотом на обочине дороги торчит покосившаяся табличка: «Продается или сдается в аренду». Я чуть прибавляю скорость и сбиваю ее.

Большая часть разорившихся ферм в округе уже продана застройщикам. Скотоводческая ферма Баттонуиллоу превратилась в трассу для велотриала. В здании свинофермы на Олд-Пайн-роуд оборудуют пивоварню. Но эта ферма – со-

всем другое дело. Здесь снова появятся лошади. Наши лошади. Отец сказал, что застройщиков участок не интересует: почва слишком каменистая, а основная часть пастбища лежит в пойме реки. А еще он сказал, что Гибсон, хозяин фермы, не очень хочет ее продавать по сентиментальным соображениям. Пару предложений Гибсон уже отклонил. Отец обещал мне, что однажды мы сюда вернемся. Но я не собираюсь ждать, когда наступит это «однажды».

Я сворачиваю на дорожку. Из-под колес велосипеда летят частички гравия и пыли. Остановившись, расстегиваю карман худи, достаю телефон, разворачиваю его горизонтально и делаю снимок. Большинство людей фотографирует то, что есть. Я фотографирую то, чего нет: дыры и проломы на месте испорченных перекладин покосившегося забора, за которым больше не бегают лошади. А еще я фотографирую то, что есть, потому что нет кое-чего другого: густые заросли травы на тех местах, которые раньше были вытоптаны, потому что там смирно стояли бок о бок лошади.

Я еду на велосипеде вдоль ветхих заборов, изгибающихся гигантскими змеями вдоль дорожки на четверть мили до конюшни. Идеальное расстояние для заминки¹ лошади. Я снова останавливаюсь, чтобы сделать снимок, и беру крупный план одного из углов конюшни – ветреного угла, как называла его мама. Тут не хватает нескольких досок, а потрескав-

¹ Комплекс упражнений, направленный на охлаждение лошади после тренировки. – *Здесь и далее примеч. пер.*

шаяся зеленая краска сошла, оставив огромные серые, словно мертвая кожа, пятна. Краснохвостый сарыч скользит над самой крышей конюшни, описывает круг над полем, а потом, завалившись на крыло, пикирует на мышь или кролика.

Как ни печально, на эту заброшенную ферму я и приезжаю каждый день после школы.

Дорожка расширяется и описывает круг. Я качу по ней к задней стене конюшни и прислоняю велосипед к клену, который мы с мамой посадили, когда мне было четыре. Мне известно, что раздвижные ворота будут чуть приоткрыты. Мы оставили их не до конца закрытыми два года назад, и они так и ржавеют на металлических направляющих. Я протискиваюсь в щель. Если бы я доела курицу в школьной тошнيلовке, наверняка застряла бы в проеме.

Резкие лучи света пробиваются сквозь дыры в стенах конюшни, расчерчивая центральный проход. Я иду сквозь наполненные пылью столбы света, минуя двери одного открытого денника за другим. Теперь они пусты, внутри нет ни опилок, ни сена, ни запаха.

Я помню имена каждой из лошадей, что мы здесь держали. Роузи – ласковая одноглазая кобыла. Эрни – настоящая машина, он успел позаниматься всем, от родео до конкура. Байрон, которому по вечерам нравилось слушать рэп. Танк – крошечный пони, которого мы ставили сопровождать нервных лошадей. Оскар, обожавший купаться в реке. Милдред, отличавшаяся таким терпением, что могла бы учить детей

верховой езде даже без помощи тренера. За то время, что я себя помню, через эти денники прошло множество лошадей. Я скучаю по их тихому ржанию, по тому, как они тревожно били копытами, требуя внимания, по тому, как тянулись ко мне губами, по суетливым утрам в конюшне, по долгим сонным дням.

У последнего денника слева я останавливаюсь. Здесь стоял Бесценный Дар. У двери денника все еще болтается его покосившаяся фотография в деревянной рамке. Гвоздь, на котором она висит, согнулся, словно держится из последних сил. На снимке Бесценный Дар участвует в скачках Блэк-Элк и перепрыгивает через последний барьер с таким солидным запасом, что кажется, будто он летит. Наверняка победит.

«Вот сейчас это и случится», – думаю я.

Всего пару минут назад я уронила недоеденное карамельное яблоко, когда мы с мамой и папой бросились к финишной прямой, куда в любую секунду могли выбежать из-за поворота лошади, чтобы подняться по склону холма и подойти к последней серии барьеров. Сладкий сливочный вкус еще стоял у меня во рту, когда, несясь галопом сразу за Вуду, показался Бесценный Дар. Его жокей в точности следовал указаниям моего отца: «Держись вплотную за Вуду. Он будет лидировать всю гонку. Пусть вымотается. А потом обойдешь его на финишной прямой».

– Давай! – крикнул папа. – Теперь пора!

Мама подняла одну ладонь, будто пыталась поймать так-

си, а другой прикрыла рот, словно малейший звук, который у нее вырвется, может все испортить. Лошади галопом поднимались по склону холма к последним четырем барьерам. У первого препятствия Вуду сделал лишний шаг. Бесценный Дар преодолел высоту одним длинным прыжком.

– Да! – заорал папа, вскинув в воздух кулак.

Мама опустила ладонь, которой прикрывала рот, и тоже закричала:

– Давай, Дар!

Пока три остальные лошади плотной группой еще только приближались к первому барьеру, Вуду и Бесценный Дар уверенно поднимались по склону ко второму. Толпа вокруг нас зашлась в пульсирующем напевном реве. Борьба за победу в этой гонке превратилась в противостояние двух скакунов. Мы увидели, как Вуду перемахнул через третий барьер. Дар отставал от него всего на полкорпуса.

– Поднажми! – закричал папа. – Из последних сил!

Когда скакуны приблизились к последнему барьеру, у которого стояли мы, я почувствовала, как задрожала от топота копыт земля у меня под ногами. Обе лошади неслись вперед, вытянувшись в струнку. Копыта шаг за шагом сокращали оставшуюся до финиша дистанцию. Головы поднимались и опускались, словно рычаги, приводящие в движение ноги. Левая задняя нога, диагональ, правая передняя, зависание, левая задняя нога, диагональ, правая передняя, зависание².

² Описание движения лошади при галопе.

Мы с родителями едва не лезли на забор, крича и размахивая руками. Мама совсем разволновалась. Ветер швырял ее длинные черные волосы прямо ей в лицо. Она обливалась потом, словно сама участвовала в скачках. На миг лошади оказались так близко, что я смогла заглянуть в глаза Дару.

– Пожалуйста, – только и сказала я.

Мне хотелось кричать, но слово вырвалось только шепотом.

Корпус Бесценного Дара взмыл в воздух. Он должен был обойти Вуду. Из-под копыт лошадей взлетели комья земли. Огромное тело Дара вытянулось, словно у него вдруг выросли крылья. Вуду вытянул шею. Оба жокея старались изо всех сил.

Но спустя долю секунды раздался приглушенный стук копыт о металл: передние ноги Вуду врезались в барьер. Он головой вперед полетел на землю прямо перед нашим конем. Казалось, прошла целая вечность, пока Бесценный Дар перестал кувыркаться и скользить по земле. Он застонал, точно поезд, пытающийся резко затормозить, и остался лежать неподвижной грудой.

Дальше – тишина.

Бз-з-з. Бз-з-з. Телефон гудит, словно у меня в заднем кармане вдруг завелась пчела.

«Сегодня ужинаю с другом не дома», – пишет отец.

«Какой сюрприз», – откликаюсь я, хотя имею в виду совершенно обратное. Я несколько не удивлена.

«Принести тебе что-нибудь?»

Он тоже имеет в виду другое, поскольку ждет, что я отвечу: «Нет, все в порядке».

Я протискиваюсь обратно через ворота конюшни и пишу: «О да! Можно мне стейк из говяжьей вырезки средней прожарки и сырное суфле со спаржей и голландским соусом? Тысяча благодарностей!» Три смайлика и эмодзи с вилкой.

Я гляжу на пульсирующие точки: отец думает над ответом. Потом точки исчезают.

Глава 2

Путь до дома занимает у меня семнадцать с половиной минут. Девятнадцать, если погода ветреная или дождливая. Я въезжаю на дорожку перед нашим домом. Свет внутри не горит. Джи́па на дорожке нет. Ничего удивительного. Было бы куда более странно, если бы я по возвращении домой застала отцовский джип возле дома. Папа говорит, что у него появились новые увлечения, и советует мне последовать его примеру. Но единственный интерес, который проснулся у него после смерти мамы, это спать с кем попало. По сути, он спит со всем женским населением города.

Кажется, отец и месяца не продержался. Однажды вече-

ром он спустился по лестнице, аккуратно причесанный и в красивых ботинках.

– У меня встреча с другом, – заявил он мне.

Дальше хлынула настоящая лавина новых друзей. Вернее, подруг. Я не успевала запомнить их имена, поэтому давала прозвища. Была Большая Птица – высокая остроносая блондинка, маникюрша Мисс Улитка, стюардесса по кличке Пустоголовая, а еще банковская служащая, которую я прозвала Кабачком из-за длинной шеи и широкого зада. Отец переспал даже с моей учительницей начальных классов, Мисс Скунс: у нее была прядь седых волос вдоль пробора, и вдобавок от нее воняло.

Велосипед я бросаю на лужайке перед домом – не потому, что мне наплевать на него, а чтобы позлить отца. В старом ковбойском сапоге, который он больше не носит, я нащупываю ключ от входной двери и захожу в дом.

На самом деле отсутствие отца вызывает у меня облегчение. Я предпочитаю быть дома одна. Никаких неловких встреч в коридоре, никакого раздражения от притворного папиного интереса к тому, как я провела день, и никакого притворного интереса с моей стороны к его скучной работе. Даже когда он дома, мысленно он вовсе не здесь. Он задает мне вопросы просто потому, что считает себя обязанным. Ответов он не слушает.

Даже не потрудившись включить свет, я иду на кухню и открываю холодильник. Другой источник света не потре-

буется. Иногда мне становится легче, когда я оставляю холодильник открытым, пока брожу по кухне и готовлю себе ужин. Разумеется, отец ругается, когда я так делаю. Но этот свет меня бодрит. А еще мне нравится, что не нужно снова открывать холодильник, если я что-нибудь забуду.

Сегодня мне наверняка хватит сил приготовить что-нибудь необычное.

– Чувствую себя гурманом, – сообщаю я маминой масленке с голубой коровой.

Вместо обычных овсяных хлопьев с медом я решаю сделать смесь из трех компонентов.

«Приготовьте блокноты, чтобы записывать», – как говаривал отец в те времена, когда еще умел шутить.

Пшеничные хлопья я смешиваю с медово-овсяными и добавляю кукурузных шариков со вкусом какао. Затем вливаю в смесь – вся суть именно в смешении – шоколадного молока и обычного.

– А теперь – коронный номер! – объявляю я, как раньше делал отец, притворяясь, будто говорит в телевизионную камеру.

Он при этом поднимал миску перед собой, отставив мизинец и пародируя Гордона Рамзи.

Я запускаю микроволновку на полторы минуты.

«Не вороти нос, пока не попробуешь», – говорил отец о подогретых хлопьях.

Вообще, тут он был прав: в холодном виде хлопья дей-

ствительно хуже, а подогретые больше похожи на полноценную еду. Я достаю миску из микроволновки. Спросите, почему именно полторы минуты? Потому что лишние полминуты как раз дают нужное соотношение между размокшими и хрустящими хлопьями. Фотографирую получившееся блюдо и иду в свою комнату.

Я сижу на кровати и поспешно поглощаю хлопья; ем так торопливо, что приходится миской ловить капли молока, стекающие по подбородку, за что мне никто не выговаривает, ведь я одна. Листаю видео, подглядывая за чужой жизнью: медведь попал на камеру наблюдения, ворует продукты из чьего-то холодильника; тюлененок забрался в лодку к рыбакам; мужчина поймал пьяную фанатку за нижнее белье, когда она на концерте чуть не упала с балкона; девятиностопятилетняя старушка решила сделать татуировку на заднице. Потом снова ищу рецепты – что можно сделать из хлопьев. Уведомление «батарея разряжена» выскакивает как раз в тот момент, когда какой-то смельчак пытается смешать хлопья шести видов.

– И я отправляюсь туда, куда не ступала нога человека, – объявляет парень, насыпая хлопья в миску.

– Гений! – комментирую я.

Осталось сделать еще одну вещь, пока не вырубился телефон. Зарядка лежит в этой же комнате, но мне не хочется вставать. На то, чтобы поискать информацию, хватит и пяти минут. Настало время традиционной вечерней охоты.

Первый год я точно знала, где Дар. Отец отдал его почти бесплатно Делии Бойд, державшей ранчо для травмированных и старых скаковых лошадей. Делия считала себя кем-то вроде лошадиного медиума. Однажды я слышала, как она рассказывала маме, будто молодая лошадь, которую она только что взяла к себе, в прошлой жизни была растением и до сих пор помнит, как ее съел дикий кабан в болотах Пакистана. Если не считать не такой уж и легкой шизы, она была вполне милой женщиной. Делия понимала, как мне грустно расставаться с Даром, поэтому отправила мне видео, где он пасся в бескрайнем поле вместе с табуном других копытных, которые на вид казались пришельцами из страны корявых игрушек: перекормленные пони, облезлые ослы и пара изможденных тяжелой работой мулов. Потом, спустя десять месяцев, она развелась и продала ранчо.

Я взбиваю подушку, чтобы поудобнее пристроить голову, и набираю в поисковой строке «Бесценный Дар». Страницы всегда вылезают одни и те же. Магазин свадебных платьев, компания, производящая вишню в шоколаде, да церковная газета, вещающая о «бесценном даре Небес». О лошадях – ни слова. Я это уже знаю. Но не могу уснуть, пока не проверю. Потом, как обычно, набираю «Бесценный Дар лошадь», и поиск, как обычно, уточняет: «Вы имели в виду “дорогой подарок”?» И я всякий раз думаю: что за глупое имя для коня. На этой странице тоже ничего не изменилось. Он был выставлен на аукцион в Элкхарте, в штате Техас, год назад.

Наконец я проверяю приложение для слежения за аукционами по продаже лошадей, от которого отец так и не отписался. Его пароль я подобрала с первого раза: имя и день рождения мамы, «ДжессиТакер1111». Кто бы сомневался. С тех пор приложение только раз откликнулось негромким ржанием: «Лошадь по кличке Бесценный Дар – одно уведомление». Как раз по поводу прошлогоднего аукциона в Элксарте. На этом след моего коня обрывался. Приложение даже не сообщило, кто его купил. Я и не думала, что оно окажется настолько бесполезным.

Но мне нельзя сдаваться. Пусть его травма означает, что он больше никогда не будет участвовать в скачках. Пусть я знаю, как обычно поступают с травмированными скаковыми лошадьми. Не хочу об этом даже и думать. Мысленно я воображаю себе только хорошее. Дар пасется в большом поле в тени деревьев возле журчащего ручья и может щипать траву сколько влезет. Или какая-нибудь богатая девчонка балует его на роскошном ранчо. Я представляю себе, как он проводит время с прекрасным табуном лошадей, катается в пыли и наслаждается жизнью.

Где бы ни был Дар, мне кажется, что он недалеко.

Я нутром чую.

Наклонив миску, допиваю остатки сладкого молока. Ложка звякает, когда миска находит свое место среди других пустых мисок на моем прикроватном столике. Выключив лампу, я жду и прислушиваюсь. Потом по обоям в моей комна-

те, украшенным узором из лошадок, скользит луч света. Я слышу шум двигателя, скрип гравия под колесами, приглушенные аккорды «Деф Леппард».

Черт. Отец вернулся.

Хлопает дверца его джипа. Несколько секунд тишины, пока он ищет ключ в сапоге на крыльце. Входная дверь открывается. Входная дверь закрывается. Лязгают брошенные на стол ключи. Хлопает дверца холодильника. Шаги скрипят по деревянному полу кухни, потом, приглушенно, по ковру в гостиной, снова скрип: папа поднимается по лестнице на второй этаж. Дверь моей комнаты открывается.

– Риз? – громким шепотом спрашивает он.

Я притворяюсь, что сплю.

– Все хорошо?

По-прежнему не отвечаю.

– Спокойной ночи, – произносит он, откашлявшись, и тихо закрывает дверь.

Снова скрипят ступеньки. Щелкает открытая пивная банка, включается телевизор. Отец переключает каналы в одной и той же последовательности. Новости. Сериал. Спорт. Новости. Сериал. Спорт. Я начинаю считать циклы. Новости, сериал, спорт – раз. Новости, сериал, спорт – два. Новости, сериал, спорт – три. Сна у меня по-прежнему ни в одном глазу. Новости, сериал, спорт – четыре.

Я словно пытаюсь поймать мяч. Новости, сериал, спорт – пять.

Каждый раз, когда уже почти удастся его схватить, он подскакивает и улетает в сторону. Новости, сериал, спорт – шесть.

Я бросаюсь за мячом, но не хватает скорости, чтобы его нагнать. Новости, сериал, спорт – семь.

Он превращается в точку на горизонте, а потом катится обратно ко мне. Новости, сериал, спорт – восемь.

Но это не мяч. Новости, сериал, спорт – девять. Новости, сериал, спорт – десять.

Это табун лошадей.

Они вернулись.

Лошади мчатся ко мне галопом по бескрайнему полю. Ветер гладит меня по лицу, когда они проносятся мимо. Гнедые, пегие и рыжие. Буланные, саврасые, соловые. Одна краше другой. Но я ищу только одного коня. Вороного. Самого большого, самого сильного. Потом я вижу его, а он замечает меня. Он отделяется от табуна и подбегает поближе, чтобы разглядеть меня. На этот раз мне хочется задать ему вопрос. Спросить, зачем он здесь. Узнать, что ему нужно. Но я не могу облечь свою мысль в слова.

Он смотрит на меня, словно и без того понимает, о чем я хочу спросить. А дальше я слышу его голос. Кажется, тот поднимается от самой земли, смешиваясь с раскатыстым топотом копыт.

– Увидишь, – говорит вороной.

Потом разворачивается и уносится галопом вслед за

остальными. Табун скрывается в каньоне.

«Увидишь. Увидишь. Увидишь».

Я открываю глаза.

Новости...

Глава 3

Чем больше я стараюсь вспомнить сон, который видела ночью, тем более смутно его себе представляю. Словно пытаешься сшить нитками облако или выложить узор из пепла. Но от тех моментов, которые я помню, сердце начинает биться чаще. Лошади, скачущие ко мне. Их стремительный бег. Вороной, который остановился передо мной и заглянул мне в душу.

– Риз!

Прокатившийся по классу смешок вырывает меня из мира грез. Миссис Рот смотрит на меня. Повышенный тон означает, что она уже несколько раз повторила вопрос.

– Расскажи, почему нужно быть осторожными с висячими причастиями, – обращается она ко мне.

Я не успеваю ответить миссис Рот, как Лекси Петерсон, сидящая прямо за мной и заслуживающая ненависти хотя бы потому, что у нее идеальные зубы и большие сиськи, подает голос:

– Уж ее-то папаше все равно, где висят его причастия.

Остальные ребята смеются. Я бы тоже посмеялась, если бы речь шла не о моем отце.

– Заткнись, Лекси, или я тебе учебник грамматики в задницу запишаю.

– Что ты сказала, дорогая моя? – переспрашивает миссис Рот.

Она ровесница динозавров и почти глухая. Единственный учитель в нашей школе, который до сих пор пользуется меловой доской.

– Я просто спросила, кому вообще нужна грамматика.

Тут она срывается с катушек и превращается в старушенцию на реактивной тяге. Размахивая мелком, миссис Рот пускается в пространные рассуждения о важности пунктуации и о том, как простая запятая может изменить смысл предложения. Крошки мела летят во все стороны, пока она огромными буквами выводит на доске предложение.

Обернувшись, она смотрит на меня и отчетливо произносит каждое слово:

– Идем есть деда. – Потом она вставляет в предложение

запятую с таким нажимом, что мелок ломается пополам. — «Идем есть, запятая, деда, точка» означает не совсем то же самое, что «Идем есть деда, точка». Верно, мисс Кому-Вообще-Нужна-Грамматика? — И добавляет: — Пунктуация может спасти человеку жизнь!

— Любому, у кого есть мозги, понятно, что никто не станет есть деда из-за одной пропущенной запятой, — бормочу я.

За это миссис Рот оставляет меня после уроков. Похоже, она не настолько глухая, как мне казалось.

Два часа и двадцать страниц рабочей тетради спустя я достаю из рюкзака свой телефон с батареей-инвалидом. Мало того что отец никак не расщедрится на новый телефон, так еще с тех пор, как я уронила его на пол в туалете бургерной, батарея держит только половинный заряд даже в удачный день.

Я пишу отцу ту же ложь, что и всю последнюю неделю: «Иду на соревнования по легкой атлетике». Еще были варианты «иду в торговый центр с друзьями», «остаюсь на дополнительное занятие по биологии» (как смешно) и «репетируем спектакль в школе» (еще смешнее). Большинство отцов обычно начинает сходить с ума, если их дочери присылают сообщение на пару часов позже положенного. Но в последнее время отец перестал обращать внимание на такие мелочи, как время.

Я быстрым шагом выхожу из школы, огибаю спортзал, наполненный скрипом баскетбольных кроссовок и криками

тренеров, и направляюсь в сторону футбольного поля, по которому толпа детей безнадежно носится за единственным мячом. Выдернув велосипед из стойки на стоянке, еду вдоль желтой вереницы поздних школьных автобусов подальше от здания, построенного из того же скучного кирпича, что и местная тюрьма. Иногда мне кажется, что в тюрьме учат более полезным вещам вроде электросварки и управления вилочным погрузчиком. Или, во всяком случае, люди там приятнее и кормежка лучше.

Выезжая со стоянки, я по дуге огибаю тошнотворно-зеленую вывеску «Средняя школа Бьюлы». До летних каникул мне остается провести в этой хваленной мышеловке всего один месяц. Я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы изгнать из легких затхлость школьных коридоров. Нужно очистить мозги от мешанины из жизнеописания Жанны д'Арк, значений икса и дурацких правил о висячих причастиях.

Я не всегда ненавидела школу. Все началось с тех пор, как папа сказал: «Тебе придется на время забыть о лошадях, Риз». Но я изначально горбатилась в школе только ради того, чтобы ездить верхом. Папа вечно талдычил: «Учеба на первом месте» и все в таком духе. И разрешал мне садиться в седло только после того, как будет сделано домашнее задание.

Призывая забыть о лошадях, отец смотрел мне прямо в глаза. Это было в день маминых похорон. Все наконец разъехались из нашего дома, и мы прибирались на кухне. Про-

пустив стадию обиженно надутых губ, я сразу беззвучно заплакала и отвернулась, чтобы он не увидел моего лица.

– «Придется»? – Я притворилась, будто ищу губку. – В каком смысле «придется»?

Отец попытался сменить тему:

– И кто будет все это есть? – Он вывалил четверть запеканки из сотейника в мусорное ведро.

Стоя рядом с папой перед раковиной, я приготовилась помыть сотейник, но не смогла взять его в руки, когда папа протянул его мне. Просто стояла и плакала, глядя в мусорное ведро, содержимое которого выглядело так, будто кого-то вырвало брокколи. Мне было трудно дышать. Просить меня забыть о лошадях было все равно что просить забыть о маме.

– Прости, Риз. Управлять конюшней... – Его голос замер, да я и все равно не слушала.

Отец выбросил в ведро остатки очередной запеканки.

– Папа, но мы всегда только этим и занимались.

Он вылил в раковину недопитое вино из двух бокалов и со звоном поставил их рядом с мойкой.

– Я собираюсь отказаться от аренды конюшни. Хочу найти другую работу, – сообщил он, словно сам только сейчас в первый раз это осознал.

– Но... мы больше ничего не умеем.

– В понедельник я выхожу на работу в «Кистоун», буду продавать окна.

– Окна? – Я не могла допустить, чтобы он совершил такую

ошибку. – Это же совсем не твое. Ты сам говорил тысячу раз: работа в поле или в конюшне лучше любой другой. Говорил, что иначе у тебя мозги протухнут.

– Тогда я думал, что у меня есть выбор!

Он швырнул последнюю запеканку в ведро вместе с алюминиевой формочкой и выскочил из дома.

* * *

Через два дня на дорожке перед конюшней выстроилась вереница прицепов, словно в город приехал цирк. Одну за другой лошадей, которых я любила и о которых заботилась, у меня на глазах выводили из денников, грузили в чужие прицепы и увозили. Петунья, одна из кобыл, которых мама вырастила на ферме и часто возила в прицепах, отказывалась грузиться. Она пятилась и вставала на дыбы. Никогда раньше с ней такого не бывало. Словно Петунья понимала, что на этот раз не вернется.

Некоторые покупатели расхаживали возле своих грузовиков с видом жадных голодных гиен. Папа отдавал лошадей по бросовой цене. Не торговался, не спорил – просто принимал первое же предложение, словно распродал хлам с чердака.

Когда Делия пошла к деннику Бесценного Дара с недоуздом в руках, я выскочила перед ней:

– Только не Дар! Он останется здесь!

Она наклонилась ко мне, словно разговаривала с неразум-

ным малышом.

– Милая, я понимаю, что тебе тяжело, но такое иногда случается...

Я попыталась выхватить у нее недоуздок, но Делия успела отдернуть руку.

– Он поедет в хорошее место, солнышко.

Я бросилась к отцу:

– Пожалуйста, папа! Только не Дар! Он не может участвовать в скачках! Ты же знаешь, что бывает с лошадьми, которые больше не могут скакать!

Папа даже не взглянул в мою сторону, в сторону Бесценного Дара, в сторону Делии Бойд. Вместо этого он свалил попоны и сбрую в проходе и говорил каждому входившему: «Берите, что хотите».

Когда Делия закрыла дверцы прицепа за Бесценным Даром, я снова подбежала к ней.

– Пожалуйста, не забирайте его. Его место здесь, со мной.

Она отряхнула руки и склонила голову набок.

– С ним все будет в порядке. Вот увидишь.

Я протянула руку между прутьями решетки в окошке прицепа и почесала шею Дара. Он смотрел на меня с немым вопросом в глазах: «Зачем меня посадили в чужой прицеп? Зачем меня увозят?»

– Не бойся, друг. Я тебя верну. Обещаю!

Потом Делия села в машину и повезла прицеп с маминым Бесценным Даром. Прицеп удалялся, и мне оставалось толь-

ко смотреть на предупреждающую надпись красными буквами на бампере: «Осторожно! Лошади!»

– Мама никогда тебе такого не простила бы! – набросилась я на папу.

– Детка, иногда приходится делать не то, что хочется, а то, что необходимо. – Он бросил в кучу потертый повод. – Без маминого руководства конюшня нас вконец разорит.

Я подобрала все, что смогла, из кучи и разложила по местам. Тогда он и сказал:

– Послушай, Риз. Может быть, когда-нибудь мы сумеем вернуть себе эту конюшню. Просто понадобится время.

Это был наш последний день в Биг-Грин-Барн.

* * *

Как и предлагал отец, я перепробовала множество других занятий. Занятий, которые, пока однажды мы не вернемся в Биг-Грин-Барн, помогли бы мне забыть о лошадях. Как же! Уроки хип-хопа убедительно продемонстрировали, что у меня напрочь отсутствует чувство ритма. От курсов керамики я отказалась после того, как ваза, которую я пыталась вылепить, расплылась по гончарному кругу и стекла на пол студии. Во время игры в лакросс команда словно играла сама по себе, а я – сама по себе.

Зато я научилась ругаться. Много ругаться. Отцу это не нравится, поэтому я практикуюсь при каждой возможности.

Потому что папа ошибся. Все эти занятия не помогли мне «завести новых друзей» или «справиться с одиночеством». И не помогли забыть о лошадях. Они лишь заставили меня еще отчетливее осознать, что ни на что другое я не гожусь.

Ну и черт с ними! Ни слова ему не говоря (да он бы все равно не заметил), я окончательно забросила новые занятия. Кроме ругани.

Вместо этого я теперь каждый день сажусь на велосипед. Я знаю дорогу к Биг-Грин-Барн так хорошо, что, кажется, могу даже и не рулить. Словно конюшня притягивает меня. Как во сне.

* * *

Я сворачиваю налево на Секия-драйв. Как и большинство улиц в городе Бердвуд штата Южная Дакота, приткнувшемся прямо между двумя резервациями, это название пришло из языка племени лакота. Мама всегда называла улицу Верблюжьими Горбами. Два ее холма поднимаются и опускаются передо мной, словно аттракцион в парке. Приходится сначала хорошенько раскручивать педали, а потом резко отпустить. Ветер свистит в ушах. Я наклоняюсь к рулю и приподнимаюсь на сиденье, представляя себя жокеем на лошади. Выхожу на финишную прямую. Снова поставив ноги на педали, я готовлюсь пронестись мимо дорожки, которая раньше вела к молочной ферме Скотта, а теперь там раскинулся

новый жилой квартал: десять больших квадратных домов и десять больших квадратных дворов. Я оглядываюсь, не видно ли собак: мелкой замарашки и крупного неповоротливого увальня. Они всегда успевают услышать меня раньше, чем увидеть. Разумеется, на углу собаки меня атакуют. Я кручу педали еще быстрее. На спуске с холма я набрала скорость, но мелкая псина нагоняет меня и с тывканьем щелкает зубами у заднего колеса. Крупный пес вприпрыжку бежит следом, подбадривая шавку утробным басовитым лаем.

Потом я что-то слышу. Бой барабана. Оглядываюсь по сторонам. Что там такое? Оркестр? Машина с орущим радио?

И тут до меня доносится дыхание. Глубокое, прерывистое. Оно отпугивает собак. Псы разворачиваются на месте и бегут к домам, поджав хвосты.

Грохот становится громче. Земля под колесами велосипеда трясется. Дыхание тоже слышится все отчетливее. Я оглядываюсь через плечо. За мной скачут лошади. Целая куча лошадей.

Руль велосипеда выскальзывает из рук. Переднее колесо начинает вилять. Если я упаду, меня затопчут. Если сбавлю скорость, лошади сделают из меня пюре. Я выравниваю велосипед и кручу педали изо всех сил. Размеренный стук сердца в груди переходит в неровный трепет. Совсем рядом с колесом велосипеда я вижу копыта.

Вороной конь скачет вровень со мной. Он ведет за собой

весь табун.

Вскинув голову, он мотает ею, словно ему весело. Словно просто развлекается. Вороной так близко, что может коснуться меня носом. Он смотрит на меня, выбрасывая ноги еще дальше, вырывается вперед, и теперь весь табун скачет вокруг меня. Лошадей очень много. Тела движутся так, будто связаны между собой невидимой нитью. Повсюду вокруг – гривы и хвосты.

Ноги соскальзывают с педалей. И тут ревет гудок. На встречу мне мчится машина. Я на самой середине трассы.

– Прочь с дороги! Совсем спятила?! – орет водитель пикапа.

Я прижимаюсь к правой обочине и бью по тормозам. Лошади тоже сворачивают правее, но не останавливаются. Табун виляет из стороны в сторону, а потом сворачивает вбок мимо почтовых ящиков на лужайки, огибая дома и качели. Воздух наполнен густой пылью. Я стою на краю дороги, вцепившись в руль велосипеда.

Лошадей больше не видно.

По спине ползут мурашки, шея слабеет. Пыль, едва не задушившая меня, осела на землю. Что здесь делали лошади? И куда они делись?

Кузнечик скачет по изрытому бороздами черному асфальту и исчезает в траве. В небе, оставляя за собой белый след, летит самолет. На телеграфном столбе болтается на ветру объявление: «Покупаем уродливые заброшенные фермы».

Мой взгляд скользит по белой линии вдоль края дороги к вершине холма и обратно к тому месту, где стою я. Асфальт весь в выбоинах. У меня под ногами он встречается с грунтовой обочиной. У самой моей ступни – небольшая ямка. В ее центре лежит серовато-белый камень. Я поднимаю его и верчу в руке. Края у него острые и неровные. На одной из граней виднеется розовое пятнышко. Я пытаюсь стереть его пальцем, но не получается. Камешек словно изрыт оспой. Я кладу его на ладонь и внимательно разглядываю. Ничего особенного. Но мне нравится, как он лежит в руке.

Мимо медленно проезжает другая машина. Водитель возится с радиоприемником. Обе девушки на заднем сиденье – в наушниках. Их губы движутся, повторяя слова разных песен. Каждая в своем отдельном мире. Так и хочется крикнуть: «Эй, вы видели?!»

Я открываю рот, но голоса нет.

Поставив ногу на педаль, я убираю камешек в карман.

Глава 4

Когда мне было лет восемь или девять, я слышала, как Флип Диксон, друг отца, рассказывал, будто однажды ночью увидел своего умершего отца в дверях передвижного дома. Отец и Флип тогда чинили петли на дверцах прицепа для лошадей.

– Встаю в туалет, гляжу – а он стоит в своих шортах и футболке «Су-Фолс кэнариз», – рассказывал Флип.

Во время этого разговора отец с Флипом продолжали работу, словно речь шла о лошадях, машинах или погоде.

Вот я и решаю: если Флип мог говорить с отцом о привидении, то и я могу рассказать папе о диких лошадях. Да и

с кем еще мне говорить? Уж точно не с девчонками, с которыми мы вместе занималась танцами.

Отец на кухне, на нем новая рубашка. На ужин придет его очередная подружка. Беспроводная колонка для проигрывания их дурацких песен уже наготове. Он готовит соус для спагетти – вроде как из банки, но добавляет туда всякую хрень и называет соус домашним.

– Знаешь, я сегодня ехала по Верблюжьим Горбам, и вдруг откуда ни возьмись меня окружил табун диких лошадей. – Я делаю паузу, чтобы убедиться, что отец меня слушает. – Папа?

– Да, ты ехала на велосипеде... – Он пробует соус на вкус и добавляет соли.

– И вдруг откуда ни возьмись – табун лошадей.

– Вся в мать, – смеется он. – Прекрасное воображение.

– Нет, пап. Я серьезно. Они меня окружили. Сначала появился большой вороной, подскочил прямо ко мне. А потом меня окружил весь табун.

Мне хочется описать подробнее, но отец качает головой, помешивая соус.

– Риз, не сейчас. Я тоже помню диких лошадей. Но, пожалуйста, не сейчас.

– Но, пап... Я говорю не о той поездке. Это было сегодня.

Отец с силой бьет деревянной ложкой по столу. Его красивую рубашку усеивают красные пятнышки.

– Риз, пожалуйста! – Он смотрит на рубашку. – Черт...

На следующий день все повторяется. Я занимаюсь лабораторной работой, и хотя иногда на уроках естествознания витаю в облаках или даже засыпаю и вижу сны, теперь я как раз наливаю одну жидкость в другую, чтобы увидеть химическую реакцию, и в этот момент слышу рокот. Размеренный ритм. Сначала я решаю, что это репетирует школьный оркестр. Но, выглянув в окно, вижу их. Лошадей. Они бегут по футбольному полю. Я роняю пробирку, заливая хлоридом меди никому не нужные данные, и напарница по лабораторной работе обзывает меня дурой. Я уверена, что мне не показалось. Надо попробовать снова поговорить с отцом.

Вернувшись домой, я вижу, что отец пьет пиво на кухне. Он вручает мне стакан рутбира³ с мороженым.

– Закуски уже наготове, – добавляет он.

Я следую за ним в гостиную. Он плюхается на диван.

Совсем забыла, что сегодня игра. Мы всегда смотрели их втроем. Результат меня не интересовал, а вот закуски стоили потраченного времени. Мама готовила для меня лакомства, которые сама любила в детстве. Я отпиваю рутбира, но так и не набираюсь смелости сказать отцу, что у мамы получалось намного лучше. Как можно испортить такой простой

³ Шипучий безалкогольный напиток на основе экстракта древесной коры. Часто подается с ванильным мороженым.

коктейль?

Папа ставит на кофейный столик блюдо с разогретыми в микроволновке маленькими сосисками в тесте и отправляет себе в рот сразу две. Я ложкой топлю шарик мороженого в стакане и смотрю, как он снова всплывает. Отец изо всех сил изображает, что он рад началу нового бейсбольного сезона.

– В этом году у них есть шансы, – кивает он в сторону телевизора. – Слава богу, они продали того придурка. Это хорошо. – Он имеет в виду питчера – всегда только питчера.

Отец орет на телевизор весь иннинг, потом на экране появляется реклама красивого пикапа, в котором хватит места для детей, собак, бабушки и походного снаряжения. Все пассажиры пикапа счастливы. Папа, кажется, тоже счастлив.

– Знаешь, я снова видела лошадей.

Вопрос застаёт его с банкой пива у рта. Он отставляет опустевшую банку в сторону и встает за следующей.

– Лошадей? – переспрашивает он, направляясь на кухню.

– Да. Помнишь, я тебе о них рассказывала? Диких лошадей, которые попались мне на пути.

– А... Воображаемых, – смеется он, роясь в холодильнике.

– Ну, мне они не кажутся воображаемыми.

Он открывает банку по пути обратно к дивану.

– Милая, мисс Гарленд говорила нам, что такие яркие видения возможны после аварии. Помнишь, что нужно делать? Метод «пять – четыре – три – два – один». Сосредоточиться на пяти вещах, которые видишь, четырех вещах, которые

осязает, трех вещах, которые слышишь, двух вещах, которые чуешь носом, и на одной вещи, которую...

— Ощущаешь на вкус. Я помню, папа. Но я действительно вижу диких лошадей. Вижу их, когда еду на велосипеде, когда смотрю в окно в школе. — Я стараюсь придать голосу капельку драматизма.

Папа смотрит на меня так пристально, что мне хочется притвориться, будто я собираюсь сделать еще глоток рутбира. Я надеялась, что он скажет: «Бог с ней, с игрой. Расскажи подробнее о лошадях» или «Поехали их искать». Но он смотрит то на меня, то в телевизор, то снова на меня и снова в телевизор, и так раз шесть или семь. Я разглядываю каплю рутбира у себя на коленке.

Из телевизора на нас обрушивается очередная порция роликов. В первом рекламируют лекарство от аденомы простаты. Во втором мистер Гибсон, местный агент по недвижимости, мнящий себя телезвездой, вещает: «Ваша ферма так уродлива, что при виде нее плачут младенцы? Она так уродлива, что вы накрыли бы ее бумажным пакетом, попадись вам подходящий размер? Не стоит беспокоиться: мы покупаем уродливые заброшенные фермы. Просто позвоните...»

Наконец игра возобновляется. Отец притворяется, что смотрит, но его взгляд шарит по гостиной. Мой вам совет: в девяти случаях из десяти не стоит ни о чем разговаривать со своим отцом. Пожалуй, лучше даже сказать — в десяти случаях из десяти. И с чего я решила, что отец захочет знать

о лошадях?

Остаток игры между нами висит неловкое молчание. Папа ведет себя непривычно, будто мы с ним только что познакомились. Посреди ночи я спускаюсь вниз насыпать себе миску хлопьев. И попутно открываю отцовский ноутбук. Корпус еще теплый. Экран не заблокирован. Я проверяю, что искал отец. Шизофрения. Депрессия. ПТСР.

Внутри у меня все переворачивается. Он считает, будто со мной что-то не так. Даже что-то совсем не так.

Похоже, по мнению отца, это круто и весело, когда мертвый папаша его друга Флипа Диксона является отпустить шутку по поводу бейсбольной команды. Но стоит лишь одному табуну настоящих лошадей показаться мне на глаза, как моя веснушчатая задница мигом окажется в кабинете психотерапевта и начнет таскаться туда каждую неделю. Гадство. Почему рассказы Флипа о такой хрени отец считает прикольными, а мои нет?

Глава 5

Две недели спустя

– Ты их видела в последнее время?

Я не отвечаю. Мисс Гарленд убирает папку в ящик и садится на другой конец кушетки. Без разделяющего нас стола кажется, будто она слишком близко. Она слюнявит пальцы и переворачивает страницу в блокноте. Я пытаюсь краем глаза разглядеть, что там написано, но не могу разобрать слова. Читать вверх ногами я толком не умею.

– Миссис Рот рассказала мне о стихотворении.

Кровь приливает к лицу. Мисс Гарленд наверняка заметила, как покраснели у меня уши. Правое колено начинает дрожать. Я кладу ладонь на ногу, чтобы удержать ее на ме-

сте, но теперь мне хочется грызть ногти. Вместо этого я прикусываю щеку изнутри. Вот бы между нами снова был стол. Вот бы спрятаться за ним хотя бы частично.

– Я просто неправильно прочитала.

– Неправильно прочитала.

У мисс Гарленд есть дурная привычка повторять мои реплики, словно она хочет, чтобы я сказала то же самое другими словами. При мысли о стихотворении у меня снова начинает дергаться колено.

На уроке английского мы рассказывали наизусть стихи – трудно найти занятие более опасное для четырнадцатилетки, если не считать забав с висячими причастиями. Когда подошла моя очередь, я продекламировала: «В нас таятся прекрасные дикие кони. Пусть вращают они жернова, наполняя мешки, чтобы Небо насытить». Я решила, что справилась. Даже имя автора назвала: святой Франциск Ассизский.

Но по классу побежали смешки. Я оглянулась, чтобы понять, над чем смеются ребята, хоть и должна была понять, что смеются как раз надо мной. Миссис Рот ничего и не заметила бы, если бы Лекси Петерсон не заорала так, что было слышно по всему школьному коридору:

– Она сказала «кони»!

Внутри у меня все напряглось, горло сжалось. Если бы я попыталась тогда заговорить, голос дрогнул бы. В последнее время я только и делала, что давала этим сволочам один повод для издевок за другим. Я снова заглянула в текст и по-

правилась:

– Силы, не кони. Прекрасные дикие силы.

Мисс Гарленд ставит ноги ступня к ступне, потом снова скрещивает.

– Знаешь, можешь приходить ко мне в любое время, даже если у нас не назначена встреча.

– Знаю. Спасибо.

– А твой папа? Как у него дела?

– Папа? Лучше всех. Сами знаете, это же мой папа, – улыбаюсь я ей.

Я понемногу учусь не вываливать психотерапевту всю правду. Главное, чтобы ответы были короткими и быстрыми. Я говорю ровно то, что она хочет услышать. Иначе меня ждут многочасовые тесты, новые специалисты и таблетки, от которых чувствуешь себя еще более странно, чем обычно.

– Оценки у тебя, похоже, довольно неплохие.

Она имеет в виду – по моим меркам.

– Нравится легкая атлетика?

– Да, очень.

– Бег дает отличный выход энергии.

– Ага.

Она изображает легкую улыбку и не мигая смотрит на меня. Я заправляю пряди волос за ухо, рассеянно оглядывая кабинет. Психотерапевт ждет, что я нарушу молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.